

ИНТЕРВЬЮ На вопросы журнала отвечает старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики» Андрей Чупрыгин

Андрей Владимирович, борьба Саудовской Аравии и Ирана за лидерство на Ближнем Востоке всё больше лихорадит не только сам этот регион, но и весь мир. С чего начался этот конфликт и в чем его суть?

– Сложности в отношениях стали возникать практически сразу после иранской исламской революции 1979 года. Формально это были претензии на повышенную квоту для паломников в Саудовскую Аравию из Ирана в 150 тыс. человек в год при 55 тыс. имевшихся, а также намеки духовного иранского руководства на интернациональность святых городов – Мекки и Медины. Неформально именно с Саудовской Аравии сразу после иранской революции начались публичные выступления шиитского меньшинства в поддержку антиамериканского курса. Учитывая то, что «шиитский пояс» в Саудовской Аравии находится в нефтеносных районах, вопрос любых выступлений шиитов воспринимается руководством в Эр-Рияде особенно болезненно.

Надо сказать, что после неприятных инцидентов в Мекке в 1980-х, когда в столкновениях с полицией погибло несколько сотен иранских паломников, странам удалось несколько урегулировать противоречия. Были восстановлены дипломатические отношения, стороны обменивались рабочими группами. Иран получил квоту на паломников в 105 тыс. человек ежегодно.

Очередное обострение произошло в результате событий «арабской весны» 2011 года.

ИРАН VS САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

БЕСЕДУЕТ > Денис Кириллов

ФОТО > ИТАР ТАСС, Фотобанк 123RF

В Саудовской Аравии произошли массовые выступления шиитского населения, власти арестовали лидеров протеста во главе с известным шиитским проповедником Нимр аль-Нимром, которого в 2016 году казнили вместе с 46 его соратниками. Как следствие, отношения с Тегераном практически достигли дна. С этого момента королевская семья в Эр-Рияде обвиняет Тегеран – и, нужно сказать, небезосновательно – в попытках навязать свою политическую повестку в регионе Ближнего Востока с использованием своих шиитских прокси. Тегеран, не оставаясь в долгу, клеймит Эр-Рияд за стремление необоснованно диктовать свои условия мусульманскому миру, узурпировать святые места паломничества мусульман и продвигать американскую империалистическую повестку. При этом обе стороны по возможности активно эксплуатируют шиитско-суннитские противоречия для мобилизации населения.

– Как развивается эта ситуация в последнее время?

– Сегодня противостояние двух стран находится в стадии начала транзита от непримиримости к компромиссу. События последних четырех-пяти лет в Ираке, Сирии,

События последних четырех-пяти лет в Ираке, Сирии, Йемене, Ливане, везде, где сталкивались интересы Ирана и Саудовской Аравии, показали, что ни та ни другая сторона не в состоянии одержать решительную победу

Йемене, Ливане, везде, где сталкивались интересы Ирана и Саудовской Аравии, показали, что ни та, ни другая сторона не в состоянии одержать решительную победу. Очевидно, что продолжение политики конфронтации ведет ее участников в финансово-экономический тупик. Затраты на противостояние слишком велики, политические риски продолжают накапливаться, угрожая переходом в критическую массу. Вступать в прямое вооруженное противостояние стороны не готовы. Остается лишь один путь: поиск компромисса. Да и соседи в лице Кувейта, Омана и даже ближайшего союзника Саудовской Аравии – Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) подталкивают к решению разногласий за столом переговоров. Конечно, главный «спонсор» в лице США выражает неудовольствие таким развитием событий, так как, в свою очередь, оказывает возрастающий прессинг на Иран. Понятно, что Вашингтон хотел бы, чтобы позиция Эр-Рияда оставалась максимально жесткой. Но Соединенные Штаты – далеко, и у руководства Королевства Саудовская Аравия (КСА) растет уверенность в том, что при кризисном развитии событий США им на помощь не придут, несмотря на всю свою союзническую риторику. Так что вопрос дальнейших действий лежит в сфере исключительно самостоятельных решений. И здесь, как уже было отмечено, маятник качнулся в сторону компромисса.

Есть страна, которая пусть и неофициально, но полностью саудитов поддержит. Это Израиль. Иран – их общий враг

> Иранские военнослужащие во время соревнований первого этапа международного конкурса профессионального мастерства среди подразделений морской пехоты «Морской десант-2019». Соревнования, в котором принимают участие морские пехотинцы из России, Китая, Ирана и Венесуэлы.

Баланс сил

– Как вы считаете, в чем в данном случае сильные стороны Ирана? И какие его недостатки вы могли бы выделить?

– Сила Ирана в профессиональной армии, обладающей немалым боевым опытом и развитой «домашней» военно-промышленной базой, в отличие от Саудовской Аравии, которая полностью зависит от внешних поставок. К преимуществам Ирана можно также отнести огромный опыт выживания в аскетических условиях, вызванных многолетними санкциями. Саудовская Аравия не привыкла в чем-либо себе отказывать, и любой вариант военной блокады приведет к болезненным результатам. При этом Иран, конечно, столкнется, в случае вооруженного конфликта, с жесткой реакцией суннитского мира, который, вне зависимости от личных настроений отдельных групп, конечно же, поддержит, в том числе и прямыми действиями, суннитских братьев. Дополнительных преимуществ от прямого конфликта Иран не получит. Только потери. Более того, учитывая растущее недовольство духовным руководством в Тегеране, с большой долей вероятности можно предположить, что военный конфликт сегодня приведет к изменениям в руководстве Исламской Республики Иран. То есть мобилизационный эффект борьбы с внешней угрозой уже не сработает. Руководство Ирана это понимает и будет осторожно держать ситуацию как минимум на локоть от прямых столкновений.

– Кто сегодня выступает в качестве союзников Ирана?

– Военных союзников в регионе у Ирана нет. В случае возникновения вооруженного конфликта страна может рассчитывать на вооруженные шиитские группировки, такие как «Хезболла», с небольшой долей вероятности – ХАМАС и, частично, на шиитов Ирака. Скорее всего, Иран вносит в свои расчеты пятую колонну шиитов в Саудовской Аравии и Бахрейне, а также правительство Сирии. Однако, как мне представляется, с увеличением количества внутренних проблем у всех вышеперечисленных, с подъемом молодежного движения в Ираке и Ливане, грозящим перекинуться на окружающие страны в форме «арабской весны» 2.0, Иран имеет шанс вообще остаться одним воином в пресловутом поле. Так что перспективы настолько неутешительны, разрыв между риторикой и реальностью настолько велик, что дорога остается одна – за стол переговоров. Особенно учитывая тот факт, что международной поддержки, кроме отрывочных выступлений в Совбезе ООН, Тегеран тоже не получит.

– А что может Эр-Рияд реально противопоставить Тегерану? И какие болевые точки вы могли бы выделить у Саудовской Аравии?

– Здесь ситуация немного лучше. В случае вооруженного конфликта можно предположить, что дом Сауда получит моральную поддержку прежде всего со стороны Лиги арабских государств (ЛАГ), Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и других меарабских организаций. Совершенно очевидно, что Организация исламского сотрудничества (ОИС) сразу выступит в роли пасификатора. Кстати, возможно, на это рассчитывают враждующие стороны – сохранение лица при уходе на компромисс «исключительно из уважения к посреднику». Эр-Рияд

традиционно возлагал надежды на США как источник реальной военной помощи – как уж тут не защитить курицу, несущую золотые яйца? Однако последние события показали, что это были наивные мечты: Америка не будет ввязываться в военные действия на стороне Саудовской Аравии. Вероятно, КСА может рассчитывать на помощь бойцами со стороны Судана, воюющего за коалицию в Йемене. Но и в Судане ситуация меняется, здесь хватает своих проблем. А, например, ССАГПЗ вообще создавался именно как оборонный союз против иранской угрозы. Но встанут ли все члены этого союза как один? Сомневаюсь. Бахрейн – наверное. Остальные выстроятся в очередь за ролью посредника. А тут еще йеменская проблема – угроза с юга. Недаром Саудовская Аравия пытается как-то выйти из йеменской авантюры, сохранив лицо. Правда, пока не очень получается. Да еще ведь и Ормузский пролив закроется для судоходства, и торговля нефтью остановится. Цены поднимутся, правда, только воспользоваться этим возможности не будет. Сухопутной альтернативы у Эр-Рияда нет. Так что и у Саудовской Аравии перспективы в условиях горячего конфликта довольно кислые.

Между тем есть в этом раскладе один очень опасный фактор. А именно – Пакистан. Ядерная держава, программу ядерного оружия которой, по некоторой информации, финансировал Эр-Рияд. И вот как себя поведет этот фактор в условиях, когда Саудовской Аравии будет грозить поражение в войне (а так ведь и будет), совсем не ясно. Это может внести дополнительный фактор риска в уже и без того крайне нестабильную ситуацию.

Следует также отметить, что у многих государств с суннитским большинством нет к КСА большой любви. По разным причинам. Кому-то не нравится ваххабитское толкование ислама. Кто-то не согласен с тем, что дом Сауда диктует правила и квоты на посещение святых мест в Мекке и Медине. Кто-то просто завидует или обижается, что мало денег дали. А тут еще и молодежь в Ираке и Ливане подросла: шииты, сунниты и христиане выходят вместе на демонстрации и требуют прекратить сектантские войны. Совсем некомфортная обстановка. Так что с этим тоже не все в порядке. Нет единства. Глядишь, так и шиитско-суннитский фактор похоронят. С какой идеей останутся правящие элиты?

Есть страна, которая пусть и неофициально, но полностью саудитов поддержит. Это Израиль. Иран – их общий враг. Для Израиля война Саудовской Аравии с Ираном – благословенный шанс нанести под прикрытием серьезный ущерб экзистенциальному врагу. И не только. В самом Израиле проблемы: премьер-министр Биньямин Нетаньяху (лидер правоцентристской национал-либеральной политической партии «Ликуд») и бывший начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля Бени Ганц (ныне – один из руководителей центристского политического альянса «Кахоль-Лаван», созданного в этом году для участия в выборах в кнессет партиями «Хосен ле-Израэль», «Еш Атид» и «Телем») проиграли всё, что могли. Это погрузило страну в политический кризис, для преодоления которого нужны враг и победа над ним. Поэтому конфликт между Саудовской Аравией и Ираном пришелся бы здесь как нельзя кстати. А то ведь и на третьи выборы

придется идти, а это никуда не годится, так как на руку политическим противникам.

Есть опасение, что в создавшейся ситуации Израиль вполне может пойти и на провокацию. Недаром временный министр обороны Израиля Нафтали Беннет предложил план ни много ни мало прямого массированного наступления на позиции иранских сил в Сирии. То есть интервенции на территорию Сирийской Арабской Республики (САР). А там, как известно, не только иранские, но и российские силы. А это уже совсем критическая ситуация. Конечно, Израиль тоже рассчитывает на помощь и поддержку своего многолетнего спонсора – США. Боюсь только, не постигло бы и Израиль такое же разочарование, как и Саудовскую Аравию в эпизоде бомбардировки нефтяных комплексов. Одно дело грозные заявления делать и уверения в вечной дружбе, и совсем другое – на войну идти. Сомнения возникают. А напряженность останется и ожидания мрачные. Короче говоря, воинственный формат не дает желаемых результатов.

Охват и влияние

– Как ирано-саудовский конфликт будет дальше влиять на глобальное положение дел в мире?

– На самом деле на глобальное положение дел этот затянувшийся спор энергичных самолюбивых соперников влияет минимально, если не считать американские «страсти по Ирану» и противоречивый израильский фактор, ну и нервные ожидания на мировых рынках нефтяных фьючерсов, теряющие остроту. Конечно, на заре этого противостояния имело место некоторое колебание мировых цен на нефть, но и оно не было критическим. Вообще сегодня нефть как инструмент влияния стремительно теряет силу. И цены мало подвержены влиянию политических и силовых событий в регионе Ближнего Востока. Так что в глобальной картине мира это противостояние – в лучшем случае досадный эпизод.

А вот в региональном контексте совсем другое дело. Одна только йеменская гуманитарная катастрофа чего стоит. Классическая картинка – два региональных здоровяка ссорятся, а в третьей стране, где они решили отношения выяснять, страдает население от мала до велика. Эта технология еще на Вьетнаме и Корее была обкатана США и СССР. Хорошего из этого, правда, ничего не вышло, что и ситуация в Йемене наглядно демонстрирует. Так что Йемен показывает, что при прямом столкновении пострададут все. Решительной победы не будет ни у кого. А затяжная кампания, скорее всего, захлестнет территорию Сирии и Ирака, втянет в противостояние Израиль. А значит, и Турция, которая в стороне не останется, окажется в некоторой степени

~ В 1986 году Старый город Саны, столицы Йемена, был внесён в список всемирного наследия ЮНЕСКО, имеет отличительный архитектурный характер, особенно выраженный в многоэтажных зданиях, украшенных геометрическими узорами. В результате вторжения в Йемен с 2015 года сил саудовской коалиции Старый город подвергся разрушениям.

прямым участником, имея интерес на севере Сирии. А там и США с Россией подспеют, каждая со своими обязательствами перед союзниками и своим пониманием «справедливого результата». Картинка мрачная, но вполне реальная, если допустить «горячее» развитие ирано-саудовского конфликта. Все это понимают. Потому и идут сигналы готовности к началу переговоров.

Здесь любопытно наблюдать за действиями не только региональных игроков, но и внешних факторов – США и России. В бытность холодной войны Соединенные Штаты и СССР, имея прямо противоположные цели, играли роль внешних гарантов, препятствовавших

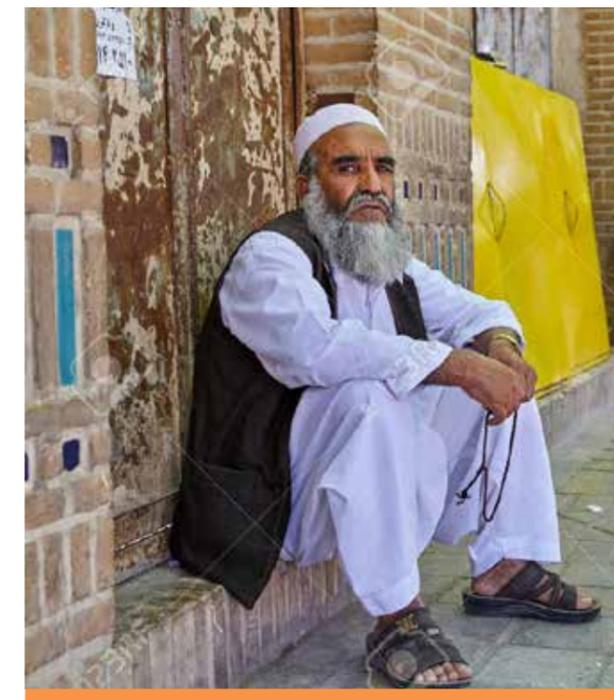

перерастанию локальных конфликтов в полномасштабную военную катастрофу. С возвращением России на Ближний Восток в 2015–2016 годах, похоже, ситуация начинает напоминать прежний расклад, этакое дежавю. Однако и ситуация другая, и «гаранты» стали другими. Россия явно ставит перед собой другие, чисто прагматические, цели, и США переживают явный кризис управления и принятия решений. Так что пока не совсем понятны возможные результаты и пути решения кризиса в регионе. Во всяком случае, если считать, что позиция Вашингтона в отношении Ирана спровоцирована в некоторой степени амбициями Саудовской Аравии, то можно считать, что ирано-саудовский конфликт неожиданно «вышел в большой мир».

– Каку роль Саудовская Аравия играет в сирийской войне?

– В начальной стадии Саудовская Аравия прямо финансировала оппозицию. И не только вооруженную, но и политическую. В течение длительного периода времени существовала «саудовская платформа» оппозиции, базировавшаяся в Эр-Рияде, которая претендовала на лидерство в антиасадовском процессе. Интерес дома Сауда заключался прежде всего в препятствовании Ирану превратить Сирию в плацдарм шиитской экспансии. Добиться этого пытались посредством смещения алавитской элиты от управления страной и замены нынешнего руководства на лояльных КСА суннитов. Отсюда и поддержка активных «борцов с Дамаском».

Впрочем, сегодня ситуация достаточно заметно изменилась. Во-первых, будучи прагматиками, саудиты сообразили, что Башар Асад вряд ли уйдет сам и просто так сместить его не получится. Так что дальше вкладываться в неосуществимый проект просто нет смысла. Но если нельзя победить, значит, нужно возглавить.

В Иране верхушка духовенства чувствует себя некомфортно. Совершенно очевидно, что население устало от десятилетий «затягивания поясов» и начинает вопросительно поглядывать в сторону руководства страны

И из Эр-Рияда зазвучали новые сигналы – призывы к политическому примирению через сохранение статус-кво. А тут еще и Абу-Даби заявил о намерении восстановить прямые отношения с режимом Асада и принять посильное финансовое участие в восстановлении страны. Тут уже нужно не опоздать. Поэтому, скорее всего, не желая в данном случае уступать первенство своему союзнику – Мухаммаду ибн Заиду Аль Нахайяну (наследный принц Абу-Даби, советник своего старшего брата – президента Объединенных Арабских Эмиратов Халифы ибн Заида, а фактически с 2014 года правитель эмирата Абу-Даби и ОАЭ), наследный принц Мухаммед бен Салман Аль Сауд решил активно включиться в процесс урегулирования ситуации в Сирии. Заодно и очки заработает как реальный политик. А там, может быть, и иранское влияние ослабим посредством финансового пряника.

– Почему под раздачу попал именно Йемен?

– Просто стечение обстоятельств. Йемен как государство никогда не был союзником Ирана. Даже хуситы, будучи

Реформы Мухаммеда бен Салмана в такой суперконсервативной стране, как Саудовская Аравия, нравятся далеко не всем. И во что выльется недовольство традиционалистов, пока тоже не очень понятно

шиитами зейдитской ветви, союзниками ИРИ не являлись. Мятеж они подняли в 2004 году против центральной власти, как говорят, в попытке возродить зейдитский имамат, который существовал в северной части Йемена до 1962 года. Формально они требовали большей автономии провинции Саада. Когда в 2015 году хуситы взяли столицу Сана, в конфликт вмешалась Саудовская Аравия, посчитавшая хуситов угрозой с юга. Ну тут и Иран, естественно, такой шанс не смог упустить – шиитов бьют. Дальше всё пошло традиционно. Чем больше войны и неразберихи, тем глубже в конфликте увязали внешние участники.

И тут еще, конечно, задетое самолюбие. Чем дальше победа, чем больше потери, тем сильнее желание показать свою способность взять верх. Не получилось. Пора на переговоры.

– Что означает относительно недавняя инициатива Израиля, предполагающая заключение «пакта о ненападении» с арабскими государствами Ближнего Востока?

– Предложение Израиля озвучено примерно через две недели после аналогичного предложения Ирана арабским странам Персидского залива. Израиль спешит создать условия для дальнейшей антииранской союзной конструкции, которая бы включила в себя как минимум ведущие арабские страны региона. опередить Иран в этом вопросе для Израиля исключительно важно, так как признаки того, что Саудовская Аравия размышляет о возможности компромисса с Ираном, явны. И очевидно, что это Израиль совсем не устраивает.

– Какова роль в ирано-саудовском конфликте внешних игроков, в том числе глобальных – таких как США, Евросоюз, Китай или Россия?

– США в этом процессе безоговорочно поддерживают Израиль. Причем поддерживают активно. Европа оказалась между стульями: и с Ираном вроде не по пути – американцев побаиваются с их санкциями и долларовой дубинкой, и Израиль как бы не совсем нравятся – слишком притесняет палестинцев. Да и с Ираном хорошо бы сотрудничать. Он ведь Airbus вроде купить хотел. Так что Европа здесь не боец и не способна оказывать на процессы заметного влияния. Россия и Китай традиционно занимают нейтральную, выжидательную позицию: призывают к мирному решению проблем, наблюдают за тем, кто выйдет победителем, при этом с Ираном поддерживают активные отношения. Россия больше из политических, а КНР – из экономических интересов.

Внутренняя нестабильность

– Как вы думаете, чем же в конце концов этот конфликт реально закончится и почему он продолжится, если уже всем очевидно, что в этом нет смысла?

– Перспектив ни для одной страны положительных в этом противостоянии нет. Да и не в перспективах дело. Создается впечатление, что ситуация зависла уже где-то на уровне личных обид и конкуренции персоналий. И те и другие, как мне представляется, должны реально понимать, что победителем не выйдет никто. Иран, вероятно, возьмет верх в военном отношении. Но ведущие мировые страны просто не позволят ИРИ праздновать победу.

Почему же противостояние продолжается? Скорее всего, из-за внутренней нестабильности. В Иране верхушка духовенства чувствует себя некомфортно. Совершенно очевидно, что население устало от десятилетий «затягивания поясов» и начинает вопросительно поглядывать в сторону руководства страны. Отвлечь народ от мыслей о необходимости что-то менять лучше всего нагнетанием ненависти к внешнему врагу. Американцы в качестве такового уже не работают, по крайней мере с молодежью. «Проклятые ваххабиты» из Саудовской Аравии – тоже. Что остается? Антиизраильская и антиамериканская риторика, набившая оскомину? За отсутствием альтернативы иранское духовенство держится за старый нарратив. Вопрос – надолго ли.

В Эр-Рияде причины, может, и несколько другие, но проблемы, по сути, те же. Реформы Мухаммеда бен Салмана в такой суперконсервативной стране, как Саудовская Аравия, нравятся далеко не всем. И во что выльется недовольство традиционалистов, пока тоже не очень понятно. Во всяком случае, ничего хорошего из этого, скорее всего, не выйдет. И, конечно же, далеко за решением ходить не нужно. Достаточно указать народу, в какую сторону лучше всего направить фрустрацию: в сторону удобного внешнего врага – этих «ненавистных отступников-шиитов». Мол, они и раньше воду мутили, а сейчас совсем от рук отбились. Так и поддерживают обе стороны состояние конфликта, переходящее периодически в острую фазу, чтобы никто не расслаблялся. Однако лозунг «бей шиитов» и наоборот уже не работает в молодежной среде. А учитывая, что молодежь – основной состав населения Ближнего Востока,

скорее всего, вообще потеряет актуальность как мобилизационный инструмент и камуфляж истинных намерений правящих элит. Тогда как в сказке – «а король-то голый». Нужно искать новые решения. Может, посмотреть в сторону примирения?

Эскалация или переговоры

– Какие нефтегазовые проекты могут подвергнуться ударам в случае прямого вооруженного столкновения?

– Первыми пострадают крупные нефтедобывающие и перерабатывающие комплексы, такие как Абкайк, Берри, Гавар и Хурайс в Саудовской Аравии и, соответственно, Северный Парс, Южный Парс, Фердоус, Даште-Абадан и Азадеган в Иране. А также нефтеналивные порты на побережье Персидского залива с обеих сторон. Скорее всего, легитимными целями станут и все нефтеналивные суда, находящиеся на маршруте. А это, кстати, уже прямая угроза экологической катастрофы.

– Что бы вы порекомендовали делать в создавшейся ситуации России и российским компаниям, в том числе нефтегазовым?

– Нужно активнее стараться налаживать бизнес в Ближневосточном регионе, в том числе и с противостоящими сторонами. Есть твердая надежда на то, что апокалиптический прогноз так и останется прогнозом. А бизнес – лучший модератор любых конфликтов. Тем более что сейчас, в условиях нерешительности и непредсказуемости политики США, самое время посмотреть в сторону замещения вакантных мест в перспективных проектах на территории и Саудовской Аравии и Ирана. Конечно, санкции против Ирана осложняют работу многим компаниям. Но санкции не навсегда. Ситуация очень подвижна. И «кто первый встал, того и тапки» – железобетонный принцип конкуренции.

– А как вы думаете, когда ирано-саудовское противостояние реально закончится?

– Когда именно это может произойти – предсказать невозможно. Слишком много факторов, как внутренних, так и внешних. Но признаки начала процесса поиска компромиссов уже есть. Саудовская Аравия некоторое время назад обратилась к правительству Ирака с просьбой о посредничестве в организации прямых переговоров с Тегераном. Процесс шел долго и сложно. И вот наметился прорыв. Генерал Касем Сулеймани прилетел в Багдад с окончательными условиями Хаменеи для начала переговоров. И что, как вы думаете, произошло? Правильно! Генерал Сулеймани был ликвидирован американскими военными по приказу президента США. Вопрос «зачем» отпадает сам собой. Переговоры Эр-Рияда с Тегераном ломают план администрации американского президента. Вот и внешний фактор. Несмотря на это, учитывая то, что сейчас на Ближнем Востоке идет очередная волна «смены караула», смены поколений, на сей раз из Ирака и Ливана, представляется, что эта волна точно накроет и Саудовскую Аравию, и Иран. И процесс выработки компромисса между двумя региональными центрами силы всё же завершится, несмотря на внешнее вмешательство. Движитель процесса – молодежь. А молодежь настроена и антиамерикански, и против конфронтаций по сектантскому и клановому признакам. Лозунги красноречивы – «сегодня умерло сектанство». Это сильный аргумент и мощная сила. ■

